

**Осуществить меры
по продлению навигации
по Северному
морскому пути
и в замерзающих портах.
Пополнить морской флот
мощными ледоколами.**

**Из «Основных
направлений развития
народного
хозяйства СССР
на 1976—1980 годы»**

СТАРТЫ ПЯТИЛЕТКИ

С трибуны XXV съезда КПСС Леонид Ильич Брежнев среди славных дел, которыми советские люди встретили съезд, назвал и досрочный спуск на воду атомного ледокола «Сибирь».

...Богатырский корабль возвышался на берегу, на сталеле. Но мне представлялось, каков он в деле, как ведет он караван судов, круша вечные арктические льды...

За кормой атомного гиганта—Нева. У борта—импровизированная трибуна. Корабелы, гости. На тонкой ленте—традиционная бутылка шампанского. «Крестная мать» нового корабля, разметчица Лидия Васильева, одна из тысяч, причастных к созданию атомохода, подходит к микрофону... Все как обычно в таких случаях. И все же необычно. Через двадцать часов в столице открывается съезд партии, и коллектив Балтийского завода спускает «Сибирь» на воду досрочно, сократив сталельный период на четыре месяца.

Я мысленно соотношу возможности нового атомохода с его будущими маршрутами от гавани к гавани северного побережья страны. Ему, атомоходу, доставлять нужные грузы в дальние районы, где встают новые города и поселки, закладываются рудники и буровые вышки, строятся заводы и фабрики... «Ни одна нация не заинтересована в ледоколах столько, сколько Россия,—писал адмирал С. О. Макаров, создатель первого русского ледокола «Ермак», построенного в конце прошлого века в Англии.—Россия природой поставлена в исключительные условия: почти все ее моря замерзают зимой, а Ледовитый океан покрыт льдом и в летнее время. Если бы Ледовитый океан был открыт для плавания, то это дало бы весьма важные выгоды».

Сегодня Ледовитый океан открывается для плавания. И «ключами» служат мощные ледоколы. Начало этому было положено ровно четыре десятилетия назад, когда мы приступили к строительству отечественных ледоколов на том же Балтийском заводе. И первыми были суда типа «Сибирь». Но были они водоизмещением одиннадцать тысяч тонн с паровыми машинами в десять с небольшим тысяч лошадиных сил и скоростью в пятнадцать узлов по чистой воде. Они неплохо для своего времени сражались со льдами. Но «Сибирь» атомная водоизмещением вдвое больше (только в центральном отсеке свободно уместился бы десятиэтажный дом). И мощность в семьдесят пять тысяч

ВЕДУЩИЕ СКВОЗЬ ЛЬДЫ

сил позволит этому исполину двигаться со скоростью более двадцати узлов. Но самое разительное — автономность плавания. «Старичкам» запасов угля едва хватало на месяц. У атомохода «Сибирь» — практически неограниченный район плавания, без захода в порты. Впрочем, такими были и его предшественники: первый в мире атомоход «Ленин», родившийся 17 лет назад (фото в центре), и «Арктика», успешно завершившая в прошлом году первую навигацию (верхнее фото)).

Мировая история атомного судостроения знает и неудачи. Стоит на приколе американский торговый атомоход «Саванна». Еще короче биография японского атомохода «Муцу»: ошибки в конструкции привели к серьезному радиоактивному загрязнению, а уже через 50 дней его команда разбежалась. На советских атомоходах — комфортабельные условия для команды, гарантия полной защиты от всевозможных излучений.

...Какая же она, «Сибирь»? На таком корабле, идущем напролом сквозь льды арктической толщины, люди будут чувствовать себя уверенно, словно на земле, дома. Судно ведет автоматы. Они настолько совершенны, что человеку не нужно непрерывно нести вахту у машины и механизмов.

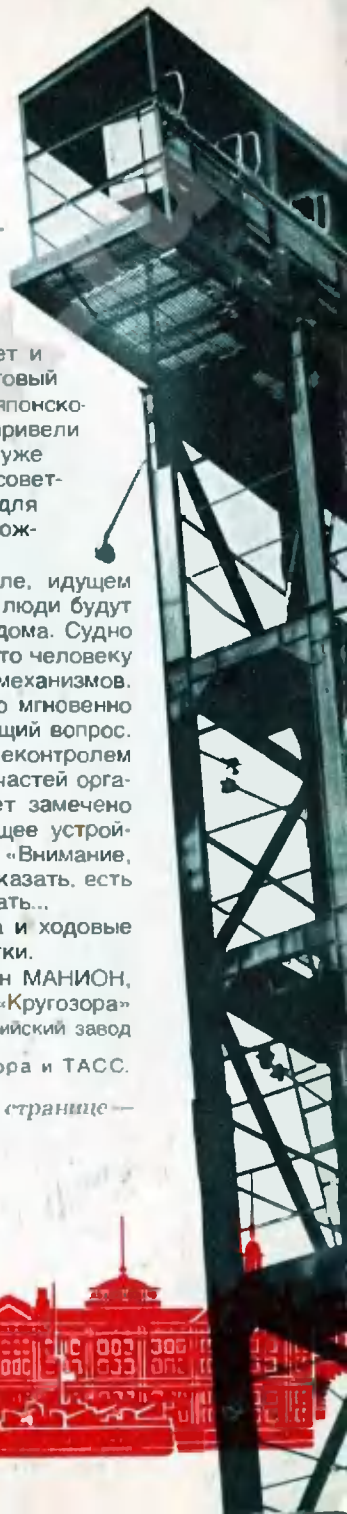
Счетно-решающее устройство мгновенно ответит на любой интересующий вопрос. Под непрерывным телеконтролем ЭВМ — «самочувствие» всех частей организма атомохода. Если будет замечено отклонение от заданной программы, печатающее устройство отсучит на ленте красными буквами: «Внимание, человек! Нужна твоя помощь!» Здесь, можно сказать, есть все, что наука успела узнать, а техника создать...

Впереди у исполинского корабля — достройка и ходовые испытания. Впереди — трассы десятой пятилетки.

Валентин МАНИОН,
специальный корреспондент «Кругозора»
г. Ленинград, Балтийский завод

Фото автора и ТАСС.

«Счастливого плавания!» На первой звуковой странице — репортаж о рождении атомохода «Сибирь».

«...В концерте принимает участие эстрадно-симфонический оркестр Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Художественным руководителем—Юрий Васильевич Силантьев...» Будь то авторский концерт известного советского композитора, или международный конкурс песни, или значительное молодежное общественно-политическое мероприятие, их просто невозможно представить без участия этого высокохудожественного коллектива.

ство, приходящее с опытом. Но было и неугасимое стремление к совершенствованию, выработывалось свое звучание, свой творческий почерк. Вскоре оркестр привлек к себе внимание композиторов, музыкантов, став лабораторией советской песни и эстрадной музыки.

Своеобразные условия работы—записи новых произведений происходили чуть ли не каждый день—диктовали одно неперемное условие молодым му-

Оркестр и его художественный руководитель были инициаторами создания целого ряда крупных, сложных музыкальных произведений. Специально для этого состава создали симфонии, концерты для солирующих инструментов композиторы М. Кажлаев, Б. Троцюк, Э. Оганесян и другие. Это, в свою очередь, потребовало от оркестрантов большой творческой отдачи для глубокого прочтения партитур. Росло признание.

По просьбам читателей

**ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО
КОМСОМОЛА**

Для человека тридцать лет—пора зрелости. Цель его жизни ясна—он делает свое любимое дело с полной отдачей всех творческих сил.

Три десятилетия для коллектива оркестра—непрерывный поиск, постижение нового, постепенное повышение мастерства и постоянная, завидная молодость.

Сначала были молоды все участники концертного коллектива. Молодой задор подчас заменял в ту пору мастер-

зыкантам: всегда быть в отличной творческой форме. Однако эта специфика на первых порах давала коллективу мало возможности выступать в открытых концертах перед обширнейшей аудиторией. С приходом нового художественного руководителя—Ю. В. Силантьева, талантливого музыканта и педагога,—сфера деятельности оркестра постепенно расширилась. И вскоре концертные выступления стали нормой жизни.

Гастроли оркестра по нашей стране показали отношение любителей музыки к коллективу: выступления проходили всегда при аншлагах.

Еще одна важная деталь: с оркестром связаны первые успехи почти всех наших исполнителей советской песни. Участие в концерте с оркестром Ю. В. Силантьева—большая честь для любого певца. А скольким песням дал путевку в жизнь этот талантливый коллектив, трудно сосчитать!

Первые поездки за рубеж сразу же выдвинули коллектив в число наиболее интересных, наиболее квалифицированных оркестров подобного рода в Европе.

Известные иностранные дирижеры, которым доводилось работать с коллективом, всегда едины в своих высказываниях: «Возможности оркестра безграничны!»

И естественным было обращение комсомола к силантьевцам: кому как не им

ВОЗРАСТ МАСТЕРСТВА

На восьмой звуковой странице — «День Победы» (Д. Тухманов, В. Харитонов) и «Метаморфозы» (И. Королев, П. Изотов) в исполнении Льва Лещенко и оркестра под управлением Юрия Силантьева.

заниматься пропагандой советской молодежной, лирической песни, которую так любят у нас в стране! И оркестр живо откликнулся.

Сегодня мы имеем полное право гордиться таким коллективом — лауреатом премии Ленинского комсомола!

Александр ФЛЯРКОВСКИЙ,
композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР
Фото Л. Лазарева

КОММУНИСТ— ЭТО БОЕЦ

Его редко кто называл полным именем, по-испански броским и благозвучным.—Гевара де ла Серна. Он вошел в историю под именем Че.

Итак, Эрнесто Че.

Родился 14 июня 1928 года в аргентинском городе Росарио. Убит 9 октября 1967 года близ боливийского селения Игерас.

39 лет с небольшим. Не очень-то щедро. Но разве ценность человеческой жизни измеряется числом прожитых лет?

«В пятнадцать лет человек уже понимает, за что собирается отдать свою жизнь, и не боится отдать ее, если, конечно, в его сердце есть идеал, за который он способен пойти на самопожертвование». Это слова Че Гевары. Они о том, что достичь совершенности—значит постичь свое жизненное предназначение. И возраст здесь ни при чем.

Тридцать девять лет с небольшим, из которых пятнадцать ушло на детство и еще десять на приобретение опыта политической борьбы.

Оставшиеся четырнадцать уплотнены до взрывчатой силы шаровой молнии. В них вместились все: борьба за независимость Гватемалы, легендарный рейд к берегам Кубы на шхуне «Гранма» и героический марш на Гавану, Майор повстанческой армии, глава управления индустриализации, президент национального банка, министр по делам промышленности—все это Эрнесто Че Гевара.

В 1964 году Гевара покинул Кубу. Три года тайна исчезновения маршала Че рождала самые невероятные слухи. На страницах газет появлялись «достоверные» сообщения о том, что Гевара командует партизанским отрядом во Вьетнаме. «Смеловцы» встречались с вездесущим Че в одно и то же время в Колумбии, Венесуэле, Никарагуа.

Осенью 1967 года мир облетело известие: Эрнесто Че Гевара убит карателями в Боливии, в стране, названной

ЧЕ ГЕВАРА:

*Если вы способны трепетать
от негодования
при виде любой несправедливости,
совершающейся в этом мире,
то мы с вами—товарищи...*

ФИДЕЛЬ КАСТРО:

*Когда говорят
о пролетарском интернационализме,
когда хотят привести пример
пролетарского интернационализма,
то таким примером
может служить жизнь Че...*

2

ТОВАРИЩ ЧЕ

так по имени борца за свободу Южной Америки Симона Боливара. И это было правдой. Но в официальном комюнике боливийского правительства о смерти партизанского руководителя Рамона к правде была подмешана ложь.

Рамон, он же Че Гевара, не умер от ран. Шесть часов Че и пятнадцать его товарищей вели бой против боливийских карателей. Раненый в этом неравном бою, Че Гевара был взят в плен и, безоружный, ослабевший от ран, убит выстрелом в упор из карабина Убийца Известий. Это Марио Теран. Но Теран был только лишь исполнителем, только лишь палачом.

Журналисты—француженка Мишель Рей и итальянец Франко Пьерини—провели в Боливии несколько недель, выясняя обстоятельства, при которых погиб Эрнесто Че Гевара. Они неопровержимо доказали, что его убийство спровоцировано.

Вот что пишет Мишель Рей: «Охотой за Че в Боливии руководили два агента ЦРУ. В Ла-Эсперанса американские военные специалисты в течение 19 недель обучали боливийских рейнджеров, которым предстояло схватить Че Гевару; в район действий партизанского отряда были посланы лазутчики. Один из таких осведомителей и донес капитану Гарри Прадо о месте стоянки партизан».

ЦРУ с неумолимостью ищейки выслеживало Че с той самой минуты, как он покинул Кубу. После расправы с ним агенты исчезли из Боливии.

«Механизм заговора,— пишет Мишель Рей,—сработал с абсолютной точностью, начиная с того момента, как он был пущен в ход...»

Пуля, вылетевшая из здания ЦРУ, в боливийской глуши пробилась сердце Че Гевары. Но память о человеке не круги на воде, которые исчезают чуть позже, чем камень канет на дно. Закон сохранения энергии распространяется и на людей. Революционный заряд, сконденсированный в имени Че, не распался с его гибелью—из искры возгорелось пламя.

Адольф ДИХТЯРЬ

Алла АХУНДОВА

ГЕРБАРИЙ

Сухих растений сборник мой,
Мой травник с гордыми гербами
Природы, издревле живой,
Я назову тебя: гербарий.
Здесь на цитах сухой листы
Клинок присвоивший терновник,
Здесь знаки клубня и ботвы,
Растений выцветший гербовник.
В крапиву вкраплен рыбий глаз.
У яблонь вывернуто веко.
Дубовый лист — крещеный князь,
А желудь — в шапке печенег.
У клена — огненная длань,
У кукурузы — чуб казака...
Белосмородиновая скань
И золотые знаки злака,
И вербы герб, и герб гриба,
И герб древесного дворянства,
И герб лесного государства.
Одна геральдика — труда.
И сборник слов моих сухих —
Мой травник с гордыми гербами
Намерений, вчера живых, —
Сегодня назову: гербарий.

Горя своего не расплещу.
Горестных стихов не напишу.
Горе застоится, зацветет...
Может, в горе жизнь произойдет?
Водоросль простейшая иль сад
Грустных и смешных хламид-монад.
Будет удивительно и жаль
Видеть, что растительна печаль.
Что тоска врастает во всю мощь
В древовидно-позвоночный хвост.
Соков ход по древу вверх и вниз
Сформирует все усилия в лист.
Все желанья обратятся в плод,
И оскостенеют в форме хорд
Все страданья, обрета хребет...
И такое выползет на свет!
Долог эволюции пробег,
Но из горя выйдет человек.

ВИНОГРАД

Лезет, лезет лоза виноградная
По забору на крышу, еверх.
Агитация эта наглядная,
Как заклятие на успех.
Вы локтями так поработайте,
Как работает виноград,
Против ветра пробиться попробуйте,
Заведя оба локтя назад.
В каждой плети — по сотне вывихов,
В каждой плети — по сто локтей.
Вот попробуй, как этот, вымахай.
Не сломав по пути костей.
Виноградину рвешь украдкой, —
Оцени в его жизни гроздь.
Он и в ягоду свою сладкую
Локтевую положит кость.
Чтоб потомству взойти не растерянно,
Не свернуть с полпути назад,
Помни выщеее растение,
Дикий. злющий на всех виноград.

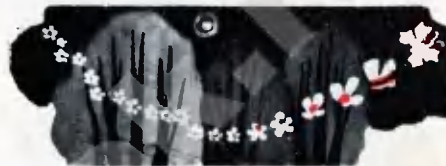
Все тяжелей во сне летаю,
Все ниже, ниже над землей,
И тенью собственной летаю
Прореху света под собой.
Но иногда еще я властна
И над землей легко парить,
И крепко шитов пространство
Распарывать и вновь кроить,
И так с судьбой своей прекрасно,
Высокопарно говорить.

МИНДАЛЬ

Еще такая есть печаль:
Выглядывать в окно
И вдруг сказать:
— А ты — миндаль, —
На дерево одно.

Еще такое чудо есть,
Что могут тополя
От нежности твоей зацвести
Цветами миндаля.
И дереву не будет жаль
На это тратить кровь.
Еще такая есть печаль:
Последняя любовь.

Зацвел миндаль. Но лепестками
Он осыпал теперь других.
А я пересыпала камни
Орехов толстых и рябых.
Плоды минувшего угара
Ужель отвадать мне нельзя?
И открывались от удара
Миндалевидные глаза.
Не я, ослепшая, прозрела,
Не ты, прозревший, был слепой...
И цвел миндаль, и я сидела,
Осыпанная скорлупой.

Пустынь каспийских
вспыльчивого нрава
Пескам балтийским не легко понять.
Поскрипывала соснами Усть-Нарва.
Мои слова пытаюсь разобрать.
Скелеты рыбок и скелеты елок
Сливались на полотнище большом...
Прибалтику нарисовал ребенок,
Нарисовал простым карандашом.
И потому в руках моих смеется
В песке пересыпаемой беды
Прибалтики соломенное солнце
Над серыми холстинами воды.

Проходчик Сувар Петросян сказал мне у костра, потрескивавшего у рельсов в глубине скалы:

— Наш Севан — это сердце Армении. Весь народ так говорит.

...Всякое сердце, знающее труд и бессонные заботы, может когда-нибудь устать, даже такое огромное, как Севан. Сотни миллионов кубометров вскамы накопленной воды отдало озеро почти за три десятилетия — и невиданно расцвела плодородная Араратская долина, ярко осветились окна домов в городах и горных селениях. Республика, не имеющая угля, нефти, газа, опираясь на энергию падающих на лопасти турбин севанских вод, развивала мощную современную промышленность.

Красоту земле, силу, свет, жизнь — что еще может дать сердце?..

У подземной трассы Арпа — Севан множество интереснейших технических характеристик. Это одновременно один из самых длинных в мире и один из самых высотных тоннелей. И это самое грандиозное из сооружений, когда-либо возводившихся не ради покорения природы, а ради охраны ее. Эта характеристика — самая главная.

Здесь трудятся армяне, русские, азербайджанцы, украинцы. В чувстве, с которым они каждый день входят в забой, есть что-то от напряжения и страсти хирурга, спасающего сердце человека.

Сквозь исполинские толщи гор, в грохоте взрывов и отбойных молотков ведут они прямую и мощную бетонную ворту. Они наполняют ее искрящейся чистой водой из создаваемого ими Джермукского водоохранилища. И помогут Севану!

Фото А. Богданова

Владимир ВОЗЧИКОВ,
специальный корреспондент «Кругозора»
Армянская ССР

В путешествие по тоннелю Арпа — Севан вас ведут проходчики С. Петросян, Н. Ефим, прораб А. Арутюнян и заслуженный деятель искусств Армянской ССР А. Манорян.

ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ СЕВАНА

ПРИРОДА
И МЫ

5

...Белесые
небеса степей
Слиты
с белой травой.
В ущельях
кристальные небеса —
Как горы наоборот.
А над Севаном небо

Ты увидишь все
целиком:
Небо — над небом,
Над синью — синь,
Над глубиной — глубина!
Вечности две
И ясности две —
Равные чаши весов...

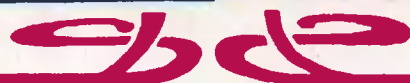

Поэт Константин Бальмонт назвал как-то Сергея Прокофьева «солнечным богачом». Действительно, его великая музыка ярка, как солнце, тепла, как солнце, и земной шар охватила она, как охватывают его солнечные лучи.

Оперы и балеты Прокофьева не сходят со сцен крупнейших театров мира. Первое представление балета «Сказка про шута, семврах шутов перешутившего» состоялось в 1921 году в парижском театре «Гэтэ лирик». За пятьдесят пять лет, отделяющих нас от этой премьеры, десятки прокофьевских спектаклей прошли на сценах московского Большого театра, Национального театра в Праге, лондонского «Сэдлерс-Уэллс» и других. В неаполитанском «Сан-Карло», поставившем лишь в течение 1964 года четыре оперы Прокофьева, даже родилась поговорка: «Скажи, сколько произведений Прокофьева ты поставил, и я скажу, какой ты театр».

Надо помнить, что прокофьевские оперы и симфонии привлекли к себе внимание таких дирижеров, как Мелик-Пашаев, Самосуд, Стоковский, Сенкар, Тосканини, Кузевитский. Его балеты собрали таких постановщиков, как Лавровский, Захаров, Мясин, Баланчин. А среди инструменталистов, отдавших Прокофьеву свое вдохновение, вы найдете иввна Сигети, Клайберна, Ойстраха, Горовица.

Творчество Прокофьева необъятно, и постичь его можно лишь «по частям». Поэтому я позволю себе коснуться здесь своей работы лишь над тремя страницами огромной музыкально-сценической летописи

Прокофьева. Это прежде всего «Игрок» (по Достоевскому). В первый раз в СССР опера была исполнена солистами, хором и Большим симфоническим оркестром Центрального телевидения и Всесоюзного радио в 1963 году. Можно сказать, что наша работа была как бы предвосхищена метким высказыванием об «Игроке» Всеволода Мейерхольда, который должен был в свое время ставить оперу в бывшем Мариинском театре: «Если бы эту оперу напечатать, то

СОЛНЕЧНЫЙ БОГАЧ

СТРАНИЦЫ
КЛАССИКИ

«Я сделал три сюиты из балета «Золушка»...» Редкая запись голоса С. Прокофьева и продолжение рассказа Г. Рождественского — на звуковой странице.

можно было бы на десять лет закрыть все оперные театры... Дело тут не в сюжете, а в материале для построения нового вида оперного искусства. ...Прокофьев пошел дальше Глюка, он пошел дальше Вагнера... он заставил действующих лиц все время плавать в изумительных речитативах, что совершенно исключает всякое сходство с оперой до сих пор. Это какое-то новое драматическое произведение, и текст, который должен произносить актер, даже не вложен в стихотворную форму. Это проза. Это продолжение того, что сделал Мусоргский...»

Второй раздел — прокофьевская пушкиниана. Еще Н. Яковлевский сказал: «Прокофьев — Пушкин в музыке». И в самом деле, можно услышать много пушкинского в музыке Прокофьева, если проследить

за внутренним совпадением эмоций, уловить сходство интонаций, языкового ритма. Если не считать юношеских замыслов оперы «Пир во время чумы», Прокофьев и Пушкин «соавторствуют» в трех романах, в музыке к фильму «Пиковая дама», к спектаклям «Борис Годунов» и «Евгений Онегин», в двух «Пушкинских вальсах» для оркестра. Почти все это, кроме вальсов, было сочинено в 1936 году.

Познакомившись с рукописями Прокофьева через 24 года после их рождения, я решил исполнить пушкинскую музыку композитора. Сколько в ней оказалось интересного! Это и портреты Германна, Лизы, Татьяны. Самозванца и очаровательная сюита танцев «Ларинский бал», и драмати-

чески напряженная музыка к картине «Игорный дом». Специфика театра и кинематографа нашла свое отражение в «пушкинских» работах Прокофьева. Так, например, музыке к «Пиковой даме» можно было бы назвать чередованием музыкальных кадров. К счастью, почти все фрагменты были инструментованы автором, так что моя роль свелась к объединению микроскопических частей, связанных с тем или иным персонажем или сценической ситуацией, в более или менее «концертные» номера.

«Из трех вещей («Евгений Онегин», «Борис Годунов» и «Пиковая дама». — Г. Р.) меня больше всего интересовал «Евгений Онегин», — писал Прокофьев в «Автобиографии». Увлеченность композитора дала блестящие результаты: были созданы две замечательные темы, связанные с образом Татьяны. Постановка «Онегина» не состоялась, и впоследствии одна из этих тем превратилась в лейтмотив любви Золушки и Принца в балете «Золушка».

Тут мне хотелось бы перейти к третьему «моменту» своего общения с Прокофьевым — к его прекрасным балетам, которые, точно по волшебству, продолжают танцевальное царство Глинки, Чайковского, Глазунова, и прежде всего к его замечательным вальсам, появляющимся каждый раз по воле Прокофьева в новых, чарующих, роскошных одеждах. Об этом — на шестой звуковой странице.

Г. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
народный артист РСФСР,
лауреат Ленинской премии

Портрет С. Прокофьева
Художник Б. Шаляпин

Марина БАБАК,
режиссер Центральной студии документальных
фильмов

Обычно на вопрос, почему для вас главной темой по-прежнему остается война, Константин Михайлович Симонов отвечает: «Наверное, потому, что война осталась для меня самым главным и самым трудным воспоминанием молодости, и я чувствую себя приговоренным к этой теме на всю жизнь».

Для меня, человека другого поколения, все обстояло иначе. Война осталась у меня в детских воспоминаниях и разговорах в семье. Но потом, теперь уже на протяжении двадцати лет работы на Центральной студии документальных фильмов, я так или иначе участвовала в работе над военными фильмами.

Особенно широко столкнулась я с военными материалами, будучи вторым режиссером фильма Романа Кармена «Великая Отечественная». Тогда я около года провела в киноархивах.

Пожалуй, эта работа окончательно и связала меня с темой войны, дала почувствовать всю ее значительность

ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ

не только для поколения людей, прошедших через войну, но и для моего поколения.

Фотографии на этой полосе адресуют вас к нашей последней работе с К. М. Симоновым. Она заняла у нас полтора года, но прежде, чем о ней рассказать, мне бы хотелось вернуться к истокам: к истории создания фильма «Шел солдат».

Мы дали ему подзаголовок: фильм-поэма. Точно такой же подзаголовок был и у нашего с К. М. Симоновым предыдущего фильма «Чужого горя не бывает...» — о детях Вьетнама.

Я считаю такое определение жанра закономерным. И не потому, что по ходу фильма Константин Михайлович говорит с экраном не только прозой, но и стихами. Фильм «Шел солдат» — это не рассказ о войне и не хроника войны от первого и до последнего ее дня, а именно поэма о рядовом советском солдате, главном герое Великой Отечественной войны. Это попытка создать его обобщенный поэтический и, может быть, даже символический образ, именно на документальном материале, используя кинохронику и фотографии военных лет и беседы с кавалерами всех трех степеней ордена Славы, записанные и снятые уже сегодня.

ПУТИ-

На третьей звуковой странице
К. М. Симонов
и М. М. Бабак
введут вас
на рабочую киноплощадку
во время съемки.
Константин Михайлович
беседует с героем
фильма В. И. Воробьевым.

Герои фильма «Шел солдат» приезжали к нам из разных уголков страны, и каждый рассказывал о своей войне, о том, через что он прошел, что пережил. Мы имели счастье познакомиться со многими поистине прекрасными людьми, услышать из уст правду о войне, почувствовать все благородство их души и характера, их любовь к Родине и ту нравственную силу, которая, может быть, больше, чем что-нибудь другое, объясняет, почему и как мы победили в этой неслыханно тяжелой битве. О многом людям, пережившим войну, было не просто рассказать. Они снова мысленно видели гибель товарищей, сгоревшие деревни, страшные, кровавые картины боев. Иногда со слезами на глазах, иногда дрогнувшим голосом они рассказывали ту правду, хранителями которой являются.

Фильм повествует о войне великой, тяжелой и трудной, полной испытаний и жертв, и смотреть его нелегко и непросто, но нам казалось, что если мы не расскажем о всех тех испытаниях, через которые прошел солдат, мы не сможем показать все величие его подвига. Нам хотелось сказать об этом подвиге в полный голос, и прежде всего устами самих солдат, прошедших войну.

ДОРОГИ

СОЛДАТСКИЕ

3

Фильм «Шел солдат» получил «Золотого голубя» — главный приз XVIII кинофестиваля в Лейпциге. Но в него вошла только малая часть тех наших бесед с солдатами, которые мы вели перед объективом киноаппарата. У нас в монтажной комнате лежит около пятидесяти тысяч метров материалов, по-своему уникальных. Это еще примерно на 20 полнометражных фильмов. Но о 20 мы не думаем, а шесть фильмов-интервью с нашими героями, бывшими пехотинцами, артиллеристами, танкистами, саперами, связистами, разведчиками, мы сделали на протяжении этих полутора лет для телевидения. Все шесть серий объединены названием «Солдатские мемуары».

Когда писалась статья, в работе находился фильм о разведчиках из этой серии, и досьеки велись в разных городах, где живут герои.

На фото вверху слева направо: Иван Баранов — инженер, заместитель управляющего строительным трестом в Ленинграде; Сеид Неби Абдураманов — слесарь из Намангана; Василий Воробьев — составитель поездов на Минской железной дороге; в нижнем ряду: Мурман Джапаридзе — майор милиции в Тбилиси; Карл Куркевич — начальник ткацкого цеха рижской фабрики.

Еще до встречи с замечательной эстонской оперной певицей Ану Кааль я мысленно, поддаваясь прелести старого Таллина, как бы заранее помещал все, что должна была поведать мне актриса, в раму из привычных фотокадров: резная дверь на улице Суур-Карья, голуби, взлетевшие при ударе ратушных часов, флюгера на тусклом солнце...

Кааль, кротко глядя на меня серыми глазами, быстро разрушила штамп:

— Старый город изумителен, но жить там я не хотела бы. Ведь я выросла и живу в таллинском пригороде — Нымме, среди одноэтажных домиков, сосен и цветов. И мне хорошо, когда я еду к нашей хвое, к просторам...

Слово было обронено, и тема простора в мироощущении и искусстве звучала в разговоре не только с самой певицей, но и с режиссером Арне Микком, дирижерами Неэми Ярви и Эри Класом. Беседа началась в одной из комнат театра «Эстония», куда вскоре должны были прийти на занятия хористы.

— Да, я люблю большую сцену, — заметила Кааль. — Тяготение к «масштабу», видимо, у меня в характере.

Сначала, однако, я увидел ее в мало-масштабном «Телефоне» Менотти — камерной опере, где Ану Кааль в роли взбалмошной Люси была очаровательна.

— Так же, как, смею уверить вас, и в других ролях, — пробасил в ответ на мои расспросы о певице Неэми Ярви. — Но, — добавил он, — в Кааль есть еще одно качество — скромность. Она скромна в жизни вообще, что украшает ее и как человека, и как общественного деятеля: Ану Кааль — депутат Верховного Совета ЭССР, — и как актрису.

Ярви и Микк работали с Кааль над партией Виолетты — давнишней мечтой Ану. Потом в этой роли ее увидели и москвичи. Ее легкое и естественное, как речь, пение завораживало. «В музыке, как и в любви, надо быть искренним», — говорил Верди. И в «Травиате» Кааль была женственна, нежна и до беззащитности откровенна.

— Несколько лет назад я привезла свою «мечту» в Милан, где стажировал

Ану Кааль в «Телефоне» Менотти
(театр «Эстония», Таллин)
и в «Травиате» Верди
(Большой театр, Москва)
Фото А. Лидова и автора

Ану
Кааль:
СТРЕМИТЬСЯ
К
БОЛЬШЕМУ

лась.—рассказывала Кааль.—После «Сомнамбулы» и россиниевской Розины я назвала роль Виолетты третьей, которую хотела бы приготовить. «Первые две—возможно,—ответила Энца Феррари, мой миланский педагог,—но Виолетта не ваша роль. Это не колоратурная партия, а лирико-драматическое или даже драматическое сопрано...» Видя, что я расстроилась, Феррари подошла к роялю: «Ну, хорошо, откройте страницу, где Виолетта прѣщается с Альфредом, во втором акте»,—и указала фразу: «О, мой Альфредо!»,—требующую такой силы—как говорят итальянцы, «тутта ла форца»,—что все во мне сникло. «Ну, что я говорила?»—сказала Феррари... Время, однако, бежало, мы повторили Лючию, Джильду, «Пуритан», и на вопрос преподавательницы, что же дальше, я, рискнув, снова предложила «Травмату». И вдруг, вижу, она разворачивает клавиры на той же фразе. Но я была готова и спела так, как было нужно, завоевав право на свою Виолетту.

— Скажите, Ану, нужна ли смелость актеру?

— Не знаю,—нерешительно ответила Кааль. Сидевший рядом Микк заметил:

— Она и не скажет... Дело прошлое. Если вы знаете «Волшебную флейту» Моцарта, то представляете, что творится, когда заболевает исполнительница Царицы Ночи. И Ану, в ту пору студентка 3-го курса консерватории, выходит со сложнейшей партией к рампе, спасает спектакль. Что это? Смелость, твердость, спортивная нота в характере? Быть может, и то, и другое, и третье...

Кааль посмотрела на часы:

— Пора. Идут хористы. И я так же сюда приходила. Ведь я пела раньше в хоре.

Мы направились к выходу.

— Ану,—сказал я певце,—вы рассказали о Виолетте, с «телефонным» персонажем Менотти я уже знаком. Представьте меня вашей Розине...

Кааль посмотрела на меня искоса.

— Этой плутовке?—И засмеялась...

Артем ГАЛЬПЕРИН

На седьмой звуковой странице—запиши каватину Розины из «Севильского цирюльника» Россини и размышления певицы об этой роли.

— Теперь я точно знаю, что расстояние между нашими странами можно покрыть на обыкновенном ковбойском мустанге.—говорил Рой Кларк, прощаясь с москвичами после двухнедельного пребывания в Советском Союзе.—Во всяком случае, у вас я все время чувствовал себя в седле. А для исполнителя кантри и вестерн мюзик—это самое приятное...

Гастроли в СССР стали первым зарубежным турне Роя Кларка, певца и музыканта, чье имя вот уже несколько лет пишется с красной строки в антологиях современного американского эстрадного искусства. Спустя год после знакомства с Теннесси Эрнн Фордом, патриархом кантри мюзик и белых спиричуэл, мы услышали одного из самых ярких представителей новой волны этого стиля. Высокая музыкальная культура, вкус и безошибочное чувство юмора—вот те три кита, которые лежат в основе песенных

Семнадцатилетняя Пат Рикеттс из ансамбля «Шуга», восемь молодых музыкантов из «Оук ридж бойз» и, конечно же, Бак Трент, виртуозный мастер игры на банджо и гавайской гитаре, вместе с Роем Кларком, показав многочисленным зрителям в Риге, Ленинграде и Москве, как поют и играют в «доме Роя Кларка», заставили их поверить, что в гости к друзьям, как бы далеко они ни жили, можно добраться на обыкновенном ковбойском мустанге.

— Не знаю, можно ли называть народными те песни, что я исполняю,—улыбается Кларк.—Кантри и вестерн—это не народная музыка в чистом виде. Это музыка, которую любит народ, простые люди. Это песни ковбоев, фермеров, железнодорожных рабочих. Песни людей, привычных к дальним дорогам и труду...

Александр МАРЬЯМОВ
Фото Л. Лазарев

ДОМ РОЯ КЛАРКА

спектаклей Роя Кларка, где давние добрые традиции кантри мюзик умело дозированы с сегодняшними ритмами и манерой эстрадного исполнения.

— Я не помню, когда взял в руки банджо впервые,—рассказывает Кларк.—У меня такое впечатление, что мои руки были всегда заняты каким-либо музыкальным инструментом. Вместо того чтобы гонять мяч во дворе или же болтаться по улицам с ребятами, я часами просиживал рядом с отцом, который играл на восьми инструментах и хотел, чтобы я хоть чему-то у него научился. Не знаю, был ли я достаточно прилежен, но к пятнадцати годам банджо, гитара и скрипка были освоены мною довольно сносно, а в шестнадцать уже выступил на национальном конкурсе кантри мюзик, после чего был приглашен в святая святых—на фестиваль в Теннесси. Победа там открывает начинающему артисту путь на эстрадные подмостки. Я победил...

На одиннадцатой звуковой странице в исполнении Роя Кларка «Такая простая вещь—любовь» и «Вчера, когда я был молодым».

Владимир ЛИЧУТИН

Из повести
«Бабушки
и дядюшки»

— Ты, Геля, не забыл бабу Наталью?

— Вроде бы нет,— сказал Геля и задумался...

Бабу Наталью он видал редко, потому что в деревню добираться надо, а попутье плохое, да и переправа не всегда налажена. Те прошлые наезды, ее нечастые гостевания в Слободе остались в памяти лишь слабым отблеском каких-то незначительных мелочей: вот сарафан с оборками вспоминался, шелковый, с большими малиновыми розами, и, когда бабушка шла на высоких желтых каблучках, он тяжело бился о колени: руки еще вспоминались, ладони узкие, почти детские, обтянуты натуго рыжеватой кожей с мелкой насечкой морщин.

Последний раз Геля видел бабу Наталью вскорости после армии; он тогда много думал и чувствовал, и все, что касалось его или близких, задевало тревожно и чутко, особенно их радости и печали, и, может, потому та последняя встреча помнилась так остро...

Приехали они с матерью в Снопу на изломе августа, ночи уже загустели, деревня стояла на угоре и показалась неожиданно большим черным валуном в белесоватом небе.

Баба Наталья будто знала, в какой час наедут гости, и стояла в растворе ворот призрачным пятном. Геля прижался к бабе и ощутил ее всю, мягкую и теплую, как летняя земля; от бабы пахло дрожжевым тестом и добротой, она пригиба-

... А НА СВЕТЕ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ

ла Гелину голову и целовала мелко и часто, одновременно плача и смеясь: «Вот ты какой герой. Хоть перед смертью выглядела у Лизки последыша. Ну, а ты-то, Лизка, чего стоишь в подвозье, как неродная дочь?»

Бабушка уже была не та, прежняя и осанистая, в кожаных полусапожках, она осела на болезных вялых ногах, ходила в шерстяных своевязанных головках и кожаных тапочках. Правда, курносый нос был так же задиристо вздернут, и только глубже стали на нем конопинки, да и лицо подсохло, вроде бы вытаяло, и то ли загорело оно, иль покрылось неровной ржавчиной на крутых скулах.

И эти почему-то милые для Гели подробности сохранила память и проявила уже, когда бабы Наталья и не стало, и сохранились лишь воспоминания, удивительно теплые и необходимые для Гелиного житья-бытья.

Вот уже видит Геля бабу Наталью за столом: она сидит в красном углу, готовая сорваться за шукой соленой, иль за брусничной моченой, иль за квашеным луком, чего попросят гости дорогие. Рядом с ней дед Спирия — локти в вышитой рубахе лежат на столе, на лице маленькая улыбка, глаза почти бесцветные, огромные, мечтательно кочуют с лица на лицо, с трудом узнавая родных, под присидистым мосом длинные, совсем белые усы, неровно подстриженные бабой Натальей и сизые понизу от постоянного табака.

Как любили и как ждали у Чудиновых приезда деда! Он всегда появлялся неожиданно, басил густо, с хрипотцой:

«Ну, как вы тут разживаетесь?»—и, освободившись от малицы, опять нырнул в сани-розвальни почти с головой, тут же на улице разворачивал мешковину и доставал большую золотистую буханку, которая давалась ему для обзона жизни. И ничего вкуснее не было на свете этой белой буханки с медовой поджаристой крышкой, и если хлеб развалить ножом пополам, то кулак свободно утекал в ноздристую мякоть, от которой рот исходил слюной.

Прошли годы, но запах хлеба осязаемо стоит в памяти, и тот вкус, как эталон счастливого, сытного вкуса, будет тоже храниться в воспоминаниях до самой смерти. И не этот дед Спирия, улыбчивый, как мальчик, с локотками на столешне, уживется в душе Гели, а давний, рыжеусый и кудрявый, только чуть опаленный старостью.

Бабушка Наталья сама по застолью с кувшином браги обошла и сказала:

— У горевастья да у радости слезы из одних глаз, да на разном змелю настояны. А ну, бабы-мужики, я так скажу, старая грешница, а ты, дедко, молчи, не подтыкай меня локтем, глухарь сивый. Всех девок не перецалуешь, всех денег не заработаешь, всей работы не переделаешь, но к этому надо стремиться. Ну, дети мои, и ты, Гелюшка, воробыное яичко, выше стакашек, пусть рука не шелохнется и сердце не замутится. Выьем до дна, не оставим зависти. Вот уж чего не терплю, зависти не терплю.

— Папа, тебе ведь нельзя,— ворчливо сказала мать, и, как заметил Геля, баба Наталья ужасно обиделась, и посмотрела в ее сторону косо, и потом дочери Лизавете с большим намеком сказала:

— Век публика в нашей избе не переводится, и век веселье живет. На золотой-то свадьбе пятьдесят человек было. Пляски-то сколько, а песен—по всей деревне. И только дочь родная Лизавета из Слободы не приехала.

— К вам уедешь, а обратно не знаешь, как и ворочаться,— виновато ответила мать и обидчиво покраснелась.

— У вас все, как у неродных,— оборвала баба Наталья, платье на груди оправива и огладила белую голову.

Как во на-а-шей было во деревне, ой...

Бабушка запела неожиданно, сначала едва слышно, будто легким сквозняком подуло из сеней, а может, так, самой себе шепнула, что, осердясь, в общем не понять было: такой, едва уловимый песенный звук родился над застольем. Так рождается прилив на реке, когда вода окроетет и не может двинуться к морю текучей своей волной и как бы застынет в мимолетном задумчивом сне, тут и пронесется над густой водой широкий вздох и легкая рябь, будто стая мальков кинется с берега, взморщит речную гладь. И уж только потом, смелея, пойдут с моря валы за валами, и сразу оживет, очнется природа, и родятся над рекой новые звуки ветра, звона волны, легкого шуршания кустов: значит, прилив взял свое.

Во веселенькой было сло-бо-де...

Тут баба Наталья взяла верхом, голос у нее был слегка надтреснутый и дребезжал, но усталости не было в сильном, просторном звуке, широком и текучем и по-северному коленчатом, как коричневый лесной ручей. И вдруг дед

Спирия локтем отодвинул посуду, расстегнул на воротнике пуговицы и согласно подхватил низким, булькающим голосом, будто не из горла, а из самого нутра полилась простуженная песня.

Во веселой слободе жил мальчишка лет сем-над-ца-ти...

И до того у стариков согласно все получилось, так прекрасны были эти голоса в низкой голубой горнице с коричневыми потолками и красными петухами на угловой печке, что не поддерживать было бы просто грешно, и гости разом задвигались, будто вздохнули свободнее. Но баба Наталья неожиданно песню порвала:

— Кабы кто тонким голосом подпел, я тонким нынче не могу, глухой у меня голос и гарчит по-вороньи.—И сразу заулыбалась своей шутке, глаза очистились от белой старческой пленки.

...Ой, позволъ-ка, папенька, жениться.

Ой, позволъ мне взять, кого люблю.

Но отец сыну не поверил, ой,

Что на свете есть любовь.

А отец сказал, что есть на свете люди разные.

Можно всех вообще любить...

Тут и застолье не выдержало, а баба Наталья тут уж разошлась вовсю, глаза закрыла, головой качает, и кажется, что вот-вот по сухой щеке горячая слеза прольется. Голос у бабы прихватывало, грусть была в нем невыразимая, словно опять она пятерых своих сынов, с фронта не вернувшихся, оплакивала, и у Гели в горле запершило, и холодом окатило спину.

Сын тут и заплакал,

отцу слова-словечушка не сказал.

Пошел к Саше-любушке на крыльцо...

И опять перебила себя, переживая песню.

— Вот любовь-то чего делает. Пошел к отцу, а отец не поверил. Пошел, значит, к Сашеньке-любушке и говорит: выйди ко мне, дай с правой руки кольцо, а она не дала. Все, девки-робята, правда! Все так и получается в жизни. Говорят, сказка—враль, а песня—быль. Бывало-то по-бывалошному, а нынче-то по-нынешнему.

...Ой, возьми ты саблю острую

да сказни мою главу.

Ой, покатись, моя буйна головка.

со моих широких плеч.

И катись, ой, да прямо к маменьке

да к папе под окно.

Тогда папенька поверит, ой,

что на свете есть любовь.

Последние слова баба Наталья выводила долго, в самой вышине, тут у нее и прежний девический голос родился, потом глаз один приоткрыла, а в нем уже бесы живут. Плечиком ворохнула:

— Посуда чистоту любит... А кажна песня до конца не допевається, а по рюмочке винца полагается. Кабы бражки гуекок, побегал бы голосок...

Вот и вся тут баба Наталья, чего хочешь с нее бери, такой она и в памяти у Гели живет.

Опера — и ансамбль «Поющие гитары»? Казалось бы, что общего между серьезным классическим жанром и современным эстрадным коллективом. Но наш бурный и стремительный век разрушил многие границы, существовавшие ранее между различными искусствами, сблизил, привнес в них характерные особенности времени.

Джазовые пианисты играют Баха, в «серьезных» партитурах появляются

джазовые гармонии и ритмы, популярные ансамбли выступают вместе с симфоническими оркестрами. Почему же не может существовать опера, построенная на мелодике современной песни, на современных ритмах, исполняемая эстрадными певцами?

В 30-е годы Джордж Гершвин написал свою знаменитую «Порги и Бесс», которая открыла дорогу многим новым формам классического жанра оперы. Через «серьезный» мюзикл (вспомним Вестсайдскую историю) композиторы пришли к «шансон-опере» («Шербурские зонтики»), к «рокк-опере». Приближенные по своей музыке и манере исполнения к стилю популярной современной песни, эти произведения были горячо встречены публикой, особенно молодежью.

Конечно, ошибочно было бы думать, что они пришли на смену классическим операм или современным режиссируемым классическим традициям. У

эстрадной оперы возможности гораздо ограниченнее, задачи более скромные. Но многие темы прошлого и наших дней безусловно могут быть увлекательно и по-своему воплощены в этом обогатившемся оперном жанре. Поставленная в Ленинграде зонг-опера «Орфей и Эвридика» прекрасно доказывает это.

Композитор Александр Журбин и либреттист Юрий Димитрин обратились к известной греческой легенде о чудесном певце Орфее. Но не к фабуле легенды, а к заключенной в ней идее высокого и бескорыстного служения искусству. И то, о чем поется в опере, волнует, увлекает нас сегодня.

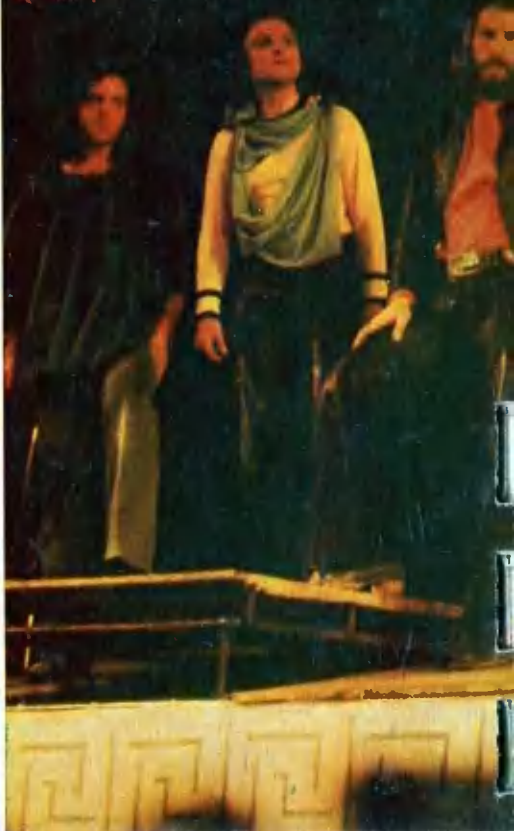
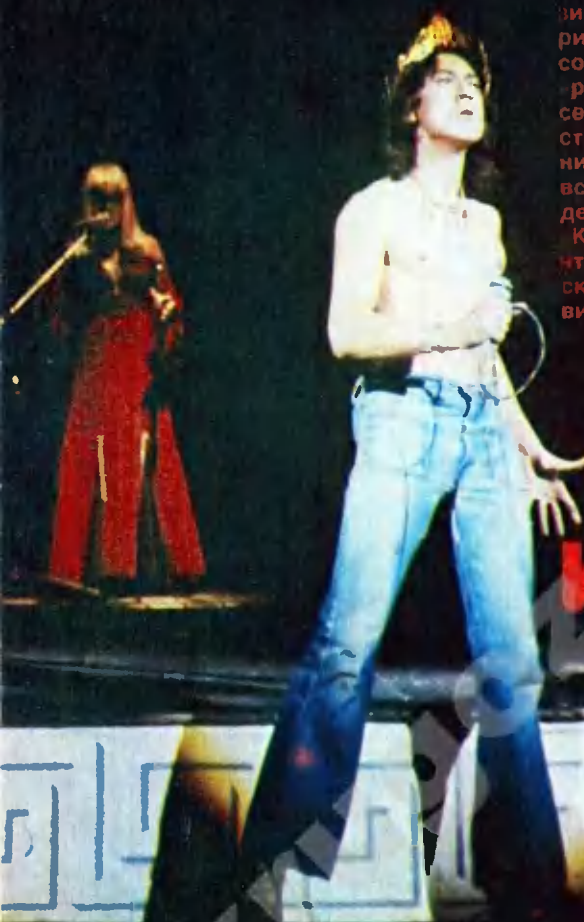
Музыка «Орфея и Эвридики» пронзает интонациями, идущими от современных советских эстрадных песен, ее ритмы остры и динамичны. Композитор расширяет звуковую палитру гитарного ансамбля, дополняя ее иногда звучанием симфонического оркестра.

ТЕАТР
«КРУГО ГОР»

ВОЛНУЕТ И СЕГОДНЯ

На девятый звуковой экран
накально-инструментальный
ансамбль «Поющие гитары»
и солисты. Испоконверта
познакомит нас с мини-вариантом оперы
А. Журбина и Ю. Димитрина
«Орфей и Эвридика».

Фото А. Нидова

Разнообразна и изобретательна вокальная сторона оперы. В ней мы слышим несложные песенки и развернутые баллады, простые речитативы и насыщенные ансамблевые эпизоды.

Не имея возможности перечислить всех участников музыкального спектакля, назову два известных имени: «Орфей и Эвридика» поставлена в коллективе «Поющих гитар» (музыкальный руководитель Анатолий Васильев) режиссером Марком Розовским, поставлена живо и красочно.

Андрей ПЕТРОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР,
лауреат Государственной
премии СССР

Как я пишу?.. Если бы я знал и мог объяснить, я бы преподавал в техникуме... Я сам не знаю. И не скромничаю, не дай бог.

Не скажу, что часто спрашивают, не скажу, что много записок и писем приходит. Я думаю, что и перестань писать — много вопросов не возникнет. Но иногда кто-нибудь вдруг спросит: «И где это вы темы берете?» Как будто он ходит в другую поликлинику!

Интерес к личной жизни работников искусств нам чужд. Думаю, потому, что в личной жизни этих работников ничего интересного не происходит. Так что пишу я в однокомнатной квартире, там же и живу. Работаю в мелком жанре, рассчитанном на хохот в конце. Если слушатели не смеются, расстраиваюсь, ухожу в себя и сижу там. Чужой юмор не понимаю, в компанию лучше не приглашать.

Профессия так называемого сатирика наложила глубокий отпечаток на поведение. Глаза бегают, волосы падают, часто останавливаюсь и круто оборачиваюсь.

Одет в серое, так что на сером сверху не виден. Хожу вдоль стен, куда-то тороплюсь, хотя начитан слабо. На вечеринках молчу, чтобы было, что печатать. Во время дамского танца непринужденно разговариваю, дабы не замечать, как меня не приглашают.

Давно не танцевал, особенно темпераментно. Мое поколение не танцует, то поколение, что танцует, нельзя назвать моим. Хотя я к ним перебежал раза три, но всегда возвращался ввиду слабого здоровья.

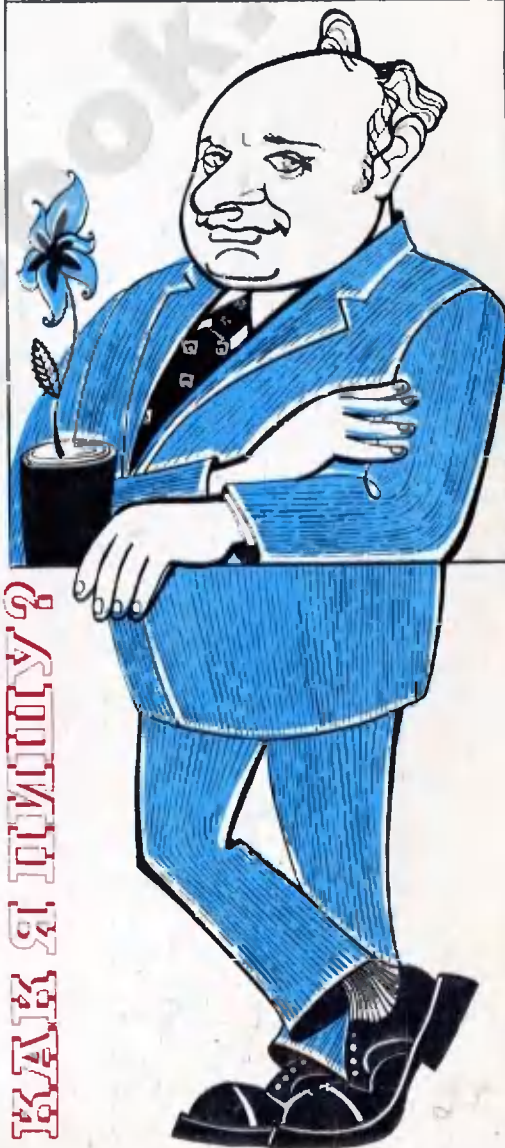
По паспорту сорок один. Хотя мне кажется, что они ошиблись. Торопятся они в милициях. И нас не спрашивают. Дома ничего не делаю, отсюда прозвище — квартирант.

Пишу коротко, потому что лень и потому что все это можно сказать в двух словах. Написал для тех, кто меня не видел. Для тех, кто не желает видеть, имею отдельный разговор.

Ваш автор
Михаил ЖВАНЕЦКИЙ

СМЕХ В ЗАЛЕ

На десятой звуковой странице — два монолога М. Жванецкого: «Женский язык» и «Алло! Я — Чижиков» в исполнении автора

ЗАДУМАННО В РАДУ

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

1. **Ведущие сквозь льды.** Репортаж о старте атомохода «Сибирь».
2. **Товарищ Че.** Жизнь во имя революции.
3. **Пути-дороги солдатские.** Беседа Константина Симонова с бывшим разведчиком В. И. Воробьевым.
4. **Контакты с инопланетянами?** Отвечают писатель-фантаст Станислав Лем, ученые Я. Соболев и Б. Силкин.
5. **Щедрое сердце Севана.** Как человек помогает природе.
6. **«Солнечный богач» Сергей Прокофьев:** голос и музыка.
7. **Ану Кааль—Розина в «Севильском цирюльнике»** Россини.
8. **Оркестр Юрия Силантьева:** «День Победы» (Д. Тухманов, В. Харитонов), «Метаморфозы» (И. Королев, П. Изотов). Солист Лев Лещенко.
9. **Орфей, Эвридика и «Поющие гитары».** Новая опера в Ленинграде.
10. **Монологи Михаила Жванецкого.**
11. **Поэт Рой Кларк (США):** «Такая простая история» (Харфорд), «Вчера, когда я был молодым» (Кречмер—Азнавур).
12. **Йорданка Христова (Болгария):** «Почему молчишь?» (С. Русинов, Д. Керелетов), «Белая сказка» (Л. Георгиева).

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1976 г.

На первой странице
обложки:
Говорит и показывает
Москов.
Рисунок художника
Н. Кошкина

Звуковые страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи

Сдано в набор
24.03.1976 г.
Б 03019. Подп. к печ.
31.03.1976 г.
Формат 60×84¹/₁₂
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 500000 экз.
Зак. 2044. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24.

Главный редактор Б. Л. ТИХОНЕНКО.
Редакционная коллегия:
В. В. ГАСПАРЯН (зам. главного редактора), А. Б. ДИХТЯРЬ,
И. Д. КАЗАКОВА, Л. Э. КРЕНКЕЛЬ,
А. Г. ЛУЦКИЙ (главный художник), В. В. МАНИОН,
Н. П. СУББОТИН (главный режиссер),
Технический редактор Л. Е. Петрова.

Пишите нам
по адресу:

113326 Москва,
Пятницкая, 25, «Кружозор»

К. Э. Циолковский:

...Все фазы развития живых существ можно видеть на разных планетах. Чем было человечество несколько тысяч лет тому назад и чем оно будет по истечении нескольких миллионов лет—все можно отыскать в планетном мире...

В маленький дачный поселок Клины на окраине древнего Кракова часто приходят письма с лаконичным адресом: «Польша, Станиславу Лему». Связистов давно уже не смущают такие надписи на конвертах: имя известного фантаста, ученого и популяризатора науки С. Лема известно не только в ПНР, но и во всем читающем мире.

Распорядок дня писателя прост: ровно в пять часов утра в мансарде двухэтажного каменного домика, где размещается битком набитый книгами кабинет, вспыхивает свет, и Лем садится за старенькую пишущую машинку, чтобы «поработать, пока молчит телефон».

По просьбе журнала «Кружозор» я попросил Лема ответить на три вопроса.

— *Что вы могли бы сказать Вселенной, если бы она могла вас слышать?*

— Хотя считают, что у меня большое воображение, но, откровенно говоря, я просто не представляю себе Вселенной как лица. Она у меня ассоциируется с господом богом, а

ТРИ ВОПРОСА СТАНИСЛАВУ

так как я в бога не верю, то мне не к кому и обращаться. Ведь это просто нагромождение материальных тел — звезды, планеты, галактики. По-моему, им нет никакого дела до людей. Ну, а если перейти в простор научной фантастики,— это другое. Можно себе представить, скажем, созвездие, которое думает. Ну, а с таким созвездием, может быть, и было бы о чем поговорить.

Самый интересный вопрос, который меня волнует, это: какое место занимает человечество в содружестве всех других разумных существ Вселенной? Я надеюсь, что мы являемся типичными, совершенно нормальными обитателями Вселенной. Наше развитие только началось. Я думаю, что есть другие виды разума, перешагнувшие границу познания, на которой мы сегодня стоим. Мы идем одним из путей. Конечно, перед нами открываются разные дороги, но мне кажется, что мы никогда не сможем окончательно узнать всего о Вселенной, потому что она бесконечна. И очень хорошо, что это так, что никакой границы, преград не будет на пути человека, познающего мир. Это нелегкий путь, но очень интересный.

Вселенная—бесконечное разнообразие. Припомню очень известные слова Ленина, что даже один электрон неисчерпаем в познавательном отношении. Что уж говорить о Вселенной! Таким образом, человеческий ум может только строить модели Вселенной! Вот сегодня у нас есть определенная модель. 20—30 лет назад была другая, попроще.

Можно сказать, что Вселенная—такой партнер, который все время меняется. Он изменяется вместе с умственным ростом человечества.

— *Какая планета, кроме, конечно, Земли, вас интересует больше всего и почему?*

— Я бы так сказал: самая интересная планета—это Марс. Необыкновенны и история Марса и отношение астрономов к нему. Взять хотя бы историю пресловутых каналов на Марсе. Мы сегодня знаем, что это была просто иллюзия зрения. И до сих пор непонятно, каким образом что-то вроде каналов можно было там увидеть.

Сегодня мы знаем по фотографиям планеты, что в свое время на ней обязательно должны были существовать реки. Сейчас там водяных паров почти нет. Тогда, значит, в прошлом эта планета совершенно по-другому выглядела. Я даже доволен, что полностью тайна не исчезла.

После того, как советские аппараты побывали на Венере, у нас исчезли надежды на то, что на Венере может быть жизнь. Особенно белковая жизнь—она там практически невозможна. Но остались еще небольшие надежды по отношению к Марсу. Потому что если там сейчас очень суровые условия, то, может, не всегда так было. И, может быть, в прошлом, когда жизнь там возникла, ей удалось как-то приспособиться к тяжелым условиям.

Отсюда мой личный интерес именно к Марсу.

Фото
И. Гневашева

4

ЛЕМУ

ГОРИЗОНТЫ
НАУКИ

— Как вы относитесь к возможности контактов и встреч с другими цивилизациями?

На этот вопрос Станислав Лем отвечает на звуковой странице.

В. ПАРХОМЕНКО
Краков

На четвертой звуковой странице, подготовленной Н. Ростовцевой:

Радиотелескоп Аресибо:
«Ау, созвездие «Мессье-13»!»
Ответ через 48 тысяч лет?

Станислав Лем:
«...Мы никому во Вселенной не смогли сказать, что мы существуем, но я твердо уверен—это переходное явление... И я был бы рад дожить до такого контакта...»

ИОРДАНКА ХРИСТОВА

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

Болгария

Болгарию по праву считают страной высокоодаренных вокалистов. Лет 20 назад это относилось лишь к оперным певцам. Эстрадным же исполнителям приходилось нелегко. Они пели так, как поют в ансамблях массовой песни, другие подражали опереточным певцам.

Была создана студия молодых эстрадных исполнителей, отделение эстрадной музыки при консерватории. Длинным оказался бы перечень лауреатов международных конкурсов эстрадной песни, умевших с тех пор славу болгарского искусства. Среди них — Иорданка Христова.

— Я хотела быть филологом, так как мне легко даются языки, — рассказывает Иорданка корреспонденту «Кругозора» на одном из Сопотских фестивалей. — Но неожиданно для себя в 1964 году окончила эстрадную студию и стала петь. Мне интересны песни разных жанров. Думаю, что текст и музыка в песне важны одинаково.

Нельзя сказать, что путь ее к успеху происходил с головокружительной быстротой. Ее дебют на эстраде от сегодняшнего дня отделяет более десяти лет. В этом промежутке были победы на крупных фестивалях песни в Сопоте, Варне, Дрездене, Брашове, Бухаресте. Иорданка оказывалась второй, третьей в плеяде победителей. И весь этот период можно назвать ожиданием своего часа. Но он еще впереди. Потому что теперь уже есть главное: своя манера, стиль, своя тема.

О любви, конечно, поют все. Но прислушайтесь, как поет Иорданка. Она посылает в зал заряд, импульс страдания или счастья своего лирического героя, нежности или разочарования, и они находят у слушателей ответную реакцию.

Такой Иорданка Христова и запомнилась во время гастролей в СССР.

М. ГАЛИНА

Цена 1 руб. Индекс 70461